

СЕРИЯ «АБСОЛЮТНЫЙ НОЛЬ» • КНИГА 2

НЕЙТОН ПАТЧЕР

**ТЕПЛОВАЯ
СМЕРТЬ**
АБСОЛЮТНЫЙ НОЛЬ

LITRPG • РЕАЛРПГ • БОЕВИК

Нейтон Патчер

Абсолютный Ноль:

Тепловая Смерть

<https://litres.ru/74515234>

SelfPub; 2026

Аннотация

Уничтожение элитных огненных легионов ставит Вадима Лебедева вне закона. Верховные лорды Солнечного Престола и драконьи владыки призывают древнее божество Первичного Пламени, намереваясь испепелить целый континент ради уничтожения непокорного инженера.

Но против космического закона термодинамики бессильны даже боги. Вадим масштабирует поле охлаждения до планетарных масштабов, открывая доступ к концепции Тепловой Смерти Вселенной. Теперь он вытягивает тепло не только из материи, но и из самого исходного кода Системы.

Любая попытка зажечь пламя оборачивается мгновенным ледяным коллапсом. Финал дилогии, в котором Архитекторам придется узнать, что происходит, когда в мире останавливается само время и движение!

Содержание

Глава 1. Пробуждение Демиурга Огня	5
Глава 2. Законы термодинамики против богов	20
Глава 3. Криогенная дуэль	38
Глава 4. Гашение звездного синтеза	50
Глава 5. Падение Демиурга	64
Глава 6. Раскаяние королевств	81
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Нейтон Патчер

Абсолютный Ноль:

Тепловая Смерть

НЕЙТОН ПАТЧЕР

МОНОПОЛИЯ КОСТЕЙ:

ХОЗЯИН МЕРТВОЙ ИМПЕРИИ

Серия «Абсолютный Ноль» • Книга 2

Глава 1. Пробуждение Демиурга Огня

Небо не просто расколосось — оно сгорело за миллисекунды.

Там, где еще секунду назад раскинулся привычный лазурный купол планеты Аэтерна, озаренный лучами полуденного светила, теперь зияла незаживающая космическая рана шириной в тысячи километров. Врата Первичного Пламени не подчинялись геометрии трехмерного мира. Это была чудовищная гипербесконечность из пульсирующего белого огня, закрученная в тор вокруг точки сингулярности, сквозь которую в физическое пространство прорывалась первородная ярость еще не родившейся вселенной.

Воздух в радиусе трехсот лиг вокруг эпицентра вспыхнул сам по себе. Без искры, без магии воспламенения — просто от чудовищного радиационного излучения, мгновенно превысившего порог стабильности молекулярных связей. Кислород детонировал, азот вступил в цепную реакцию распада, и стратосфера превратилась в бурлящий океан ионизированной плазмы цвета бешеного ультрамарина и раскаленной охры.

[ВНИМАНИЕ: Зафиксировано критическое нарушение пространственно-метрического каркаса 12-го

ранга!]

[Вектор возмущения: Сверхплотный прорыв Измерения Начал.]

[Классификация угрозы: Омега-Экстинкция (Планетарный коллапс).]

[Глобальный статус среды:

— Температура стратосферы: +12,400 °C

— Температура приземного слоя (эпицентр): +5,000 °C

— Плотность потока нейтронов: $4.8 \times 10^{16} \text{ см}^{-2} \cdot \text{с}^{-1}$

— Барометрическое давление: 420 атм (фаза ударного фронта)]

[Предупреждение Ноосферной Сети: Устойчивость биосферы снижена на 99.4%. Время до необратимого испарения литосферных плит: 00:04:12]

Океан Семи Ветров, омывавший восточную оконечность материка, вскрикнул. Это был звук, которого не знала природа: триллионы кубических метров соленой воды не успели даже закипеть — они мгновенно сублимировались, переходя из жидкой фазы в состояние сверхкритического пара под чудовищным давлением. Береговая линия исчезла, обнажив дымящийся, превращающийся в расплавленное стекло базальтовый шельф. Огромный паровой купол, насыщенный солевыми аэрозолями и тяжелыми металлами, взметнулся в мезосферу, но был тут же сметен и поглощен нисходящим столпом фотонной радиации.

И тогда из Врат показалась рука.

Она не была создана из плоти, камня или даже привычной магической энергии. Это был концентрированный термоядерный шторм, скованный волей древнейшего архетипа разрушения. Каждый «палец» этого колосса представлял собой протуберанец размером с горный хребет Кордильер, внутри которого непрерывно сталкивались ядра дейтерия и трития, порождая чудовищные вспышки гамма-излучения.

[ИДЕНТИФИКАЦИЯ ОБЪЕКТА...]

[Имя: Сурт-Разрушитель / Первичный Горн Бытия / Дендрит Сверхновой]

[Титул: Бог-Демиург Первичного Термоядерного Синтеза]

[Уровень: [ЗАСЕКРЕЧЕНО: СВЫШЕ 900-ГО РАНГА ЭВОЛЮЦИИ]]

[Фракция: Предвечные Архитекторы Хаоса]

[Пассивная аура: «Дыхание Гелиоса» — Любая материя в радиусе 50,000 км подвергается фазовому переходу в четвертое агрегатное состояние (Плазма). Сопротивление магии огня снижено до абсолютного нуля.]

Сурт выходил медленно, взламывая саму физику пространства. Гравитационные волны от его чудовищной массы искривляли оптические лучи, создавая вокруг его силуэта черное кольцо гравитационного линзирования. Звезды на ночной стороне планеты сместились, словно испуганные звери, а сама Аэтерна дрожала на своей орбите, замедляя су-

точное вращение из-за приливных сил, вызванных появлением полубожественного сверхплотного тела.

Голова гиганта увенчивалась короной из вращающихся магнитных трубок, сквозь которые вырывались струи релятивистской плазмы. Лица не было. Было лишь белое слепящее пекло, в котором плясали черные пятна размером с целые королевства — участки относительного «холода» в миллионы градусов Цельсия.

Когда Сурт раскрыл пасть, чтобы издать свой первый звук, акустическая среда умерла. Звук не мог распространяться в вакууме и сверхразреженном ионизированном газе, но его воля ударила прямо в ментальное поле планеты.

— ****Я ЕСМЬ ИНИЦИАЦИЯ.**** — прогремело в сознании каждого живого существа от глубоководных моллюсков в Марианских впадинах до верховных архимагов. — ****Я ТОТ, КТО ЗАЖИГАЕТ ПЕРВЫЙ АТОМ. ПЕПЕЛ К ПЕПЛУ. ЭНЕРГИЯ К ИСТОКУ.****

В пяти тысячах километров к западу, в цитадели Золотого Престола империи Валорис, величайшие мудрецы континента падали ниц.

Их хваленые зеркала дальнего видения, созданные из зачарованного лунного серебра и слез пустотных элементарей, лопались одно за другим. Магическая оптика не выдерживала прямого взгляда на Сурта: слепящий поток фотонов выжигал хрусталики авгуров прямо через отражения. Из но-

сов и ушей магов хлестала черная, мгновенно закипающая кровь.

— Это не рейдовый босс... — шептал Верховный Инквизитор Малхор, соскребая ногтями золотую мозаику пола тронного зала. Его зачарованные доспехи, выдерживавшие дыхание древних драконов, начали темнеть и покрываться пузырями окарины от одного лишь инфракрасного излучения, пробивающегося сквозь горизонт. — Системные боги предали нас... Это кара за грехи Лебедева!

Император Август IX, сжимавший скипетр Абсолютной Власти, поднял остекленевшие глаза к своду зала. Мрамор купола уже трескался, из швов капала расплавленная извесь.

— Он пришел не за Вадимом, — хрипел император, чувствуя, как его собственные легкие заполняются удушливой гарью горящих в предгорьях лесов. — Этот Демиург даже не заметит его существования. Он пришел закрыть проект этого мира. Мы — всего лишь топливо для его синтеза. Наша магия, наши души, планетарное ядро — все пойдет в топку... Передайте во все секторы: активировать Ковчеги Света! Попытаться пробить червоточину во Внешний Пояс!

— Ковчеги расплавлены на стапелях, Ваше Величество! — раздался истерический крик магистра связи. Голографический терминал перед ним завизжал и взорвался фонтаном искр. — Системный канал перегружен! Все реле на трех континентах расплавлены! Мы горим! Весь мир горит!

По всей планете — от подземных мегаполисов гномов-рудокопов, где гранитные своды начали плавиться и стекать базальтовым дождем, до парящих садов эльфийских патриархов, сгоравших подобно сухим листьям в костре, — наступило осознание неизбежного финала. Это была не война фракций. Не противостояние Света и Тьмы. Это было возвращение Вселенной к исходному термодинамическому состоянию — хаотическому, однородному, всепожирающему пламени.

И посреди этого ада стоял один-единственный человек.

Эпицентр катастрофы. Бывшая долина Каменных Стражей, превратившаяся в кратер диаметром в сорок миль, заполненный кипящим озером кремния и титана.

Вадим Лебедев не двигался.

Его тяжелый черный плащ, сотканный из нитей квантового сцепления и ткани мертвых звезд, едва заметно вибрировал под яростным натиском светового давления. Потоки фотонов били в него с силой метеоритного града, но за десять сантиметров до ткани они теряли вектор движения, тускнели, распадаясь на спектральные осколки, и беззвучно осыпались серым прахом.

Семьдесят два тома бесконечной резни. Семьдесят два круга перерождения через кровь, разрывы пространств, уничтожение пантеонов и поглощение концептуальных законов миров. Вадим давно забыл, каково это — чувствовать страх.

Страх был химической реакцией примитивного белкового мозга, а его мозг уже сотни уровней назад превратился в кристаллическую матрицу свернутых временных измерений.

Он поднял взгляд.

Зрачки Вадима не слепли от белого адского пламени. Напротив, в их бездонной, матовой глубине не отражалось ровным счетом ничего. Это была пустота межгалактических войдов — абсолютная, голодная, лишенная малейшего признака теплового движения.

Сурт приближался. Его титаническая стопа, состоящая из ревущих магнитных вихрей, опустилась на плато, и литосферная плита континента треснула на всю толщину, обнажая мантию. Столбы магмы высотой в десятки километров брызнули в пылающее небо, сливаясь с плазменной короной божества.

Демиург Огня заметил пылинку у своих ног.

Взгляд Сурта сфокусировался на Вадиме. Для существа такого масштаба этот взгляд был равносителен прямому попаданию струи релятивистского джета из ядра активной галактики. Миллиарды тераватт энергии сфокусировались в одной геометрической точке пространства. Температура материи в месте, где стоял Лебедев, скакнула с пяти тысяч градусов до значений, близких к температуре солнечной короны — выше полутора миллионов градусов по шкале Кельвина.

Реальность вокруг Вадима должна была перестать существовать. Кварк-глюонная плазма должна была разорваться

на первичные квантовые флуктуации.

Но вместо этого раздался тихий, леденящий душу звук.

Щелк.

Это не был треск льда. Это был звук останавливающегося времени на уровне фундаментальных физических констант. Звук прекращения тепловых колебаний решетки мироздания.

— Ты опоздал на пару эр, дряхлый кусок термоядерной помойки, — негромко произнес Вадим.

Его голос не нуждался в воздухе. Он передавался через гравитационные флуктуации, впечатываясь прямо в ткань пространства-времени.

Лебедев медленно поднял правую руку. Его пальцы были затянuty в перчатку из черного антивещества, по которой змеились ультрамариновые руны концептуального типа. За его спиной, вопреки бушующему вокруг океану огня, начала разворачиваться геометрически невозможная фигура — трехмерная проекция многомерного фрактала абсолютной энтропии.

**[ВНИМАНИЕ: Зафиксировано развертывание за-
прещенного мета-концепта!]**

**[Пользователь: Вадим Лебедев (Ранг: Абсолютный
Архитектор Энтропии)]**

**[Иницирован протокол: «КОНЕЦ ТЕРМОДИНА-
МИКИ».]**

[Доступ к Константе Больцмана: ПЕРЕХВАЧЕН.]

[Активация глубинного контура...]

[.....] 100%

[ВНИМАНИЕ ВСЕМ СИСТЕМАМ: Активирован

[Контур Тепловой Смерти Вселенной!]

Воздух — вернее, то кипящее плазменное месиво, что занимало его место, — застыл.

Буквально.

Сурт замер, его исполинская рука, занесенная для удара, способного расколоть планету до ядра, натолкнулась на невидимую стену. Но это была не силовая защита. Это была область пространства, в которой энтропия достигла своего максимума за долю наносекунды.

Плазма не остыла. Она перестала существовать как динамическая система.

Электроны, несшиеся вокруг ядер со скоростями в тысячи километров в секунду, замедлились. Их кинетическая энергия не рассеялась в виде тепла — она была насильственно экспроприирована, стерта из баланса вселенной концептуальным законом Лебедева. Фотонные вихри померкли, превращаясь в тусклые, неподвижные сгустки замерзшего электромагнитного поля.

[СИСТЕМНЫЙ ЛОГ: СЕКТОР А-0 (ЭПИЦЕНТР)]

[Температура среды: +5,000 °C -> +1,200 °C -> +0.00 °C -> -150.00 °C -> -270.15 °C]

[Текущая температура: 0.000000000001 K]

[Статус: Приближение к квантовой неопределенно-

сти движения.]

[Молекулярное движение: ПОЛНОСТЬЮ ПРЕКРАЩЕНО.]

[Связи сильного взаимодействия: ЗАМОРОЖЕНЫ В СТАТИЧЕСКОМ ПРЕДЕЛЕ.]

Сурт впервые за миллиарды лет своего существования ощутил нечто чуждое своей природе.

Боль.

Но это была не боль от ожога или раны. Это была боль пустоты. Огонь внутри Демиурга — бесконечный каскад слияния протонов и альфа-частиц — начал давать сбои. Цепная реакция синтеза захлебывалась. Внутри его пылающего тела образовалась червоточина абсолютного холода, которая не поглощала тепло, а стирала саму возможность его генерации.

— ****ЧТО... ТЫ... ТАКОЕ?..**** — взревел Сурт, и на этот раз в его ментальном голосе дрожали ноты первобытного, звездного ужаса. — ****МАТЕРИЯ ДОЛЖНА ГОРЕТЬ! ВСЕЛЕННАЯ ДОЛЖНА РАСШИРЯТЬСЯ! ЭТО ЗАКОН ПЕРВОГО СВЕТА!****

Вадим сделал шаг вперед.

Под его ногой не хрустнул шлак. Под его ногой рухнуло пространство, лишенное теплового давления. Вакуум вокруг него сколлапсировал, образуя локальный горизонт событий, окаймленный призрачным, мертвенно-серым свечением черенковского излучения наоборот — фотоны застревали в застывшей метрике, не в силах двигаться.

— Твой Первый Свет — всего лишь детская вспышка спички в бесконечном холодном склепе, — тихо произнес Вадим, и каждое его слово отзывалось треском ломающихся квантовых связей в теле Демиурга. — Ты кичишься синтезом. Ты гордишься миллионами градусов. Но что такое твой огонь против неизбежности? Каждая звезда погаснет. Каждый протон распадется. В конце останется только покой. Мой покой.

Черный фрактал за спиной Вадима раскрылся на полную мощь.

Это был не просто мороз. Это было снятие кинетической энергии на уровне калибровочных бозонов. Глубинный контур охлаждения, который Лебедев культивировал в течение последних десяти томов, пронзил литосферу планеты, словно мириады черных корней мертвого космического дерева.

Там, где секунду назад бушевал планетарный пожар с температурой в пять тысяч градусов, земля начала покрываться странным веществом. Это был не водяной лед. Это был кристаллизованный кислород, поверх которого оседали хлопья замерзшего азота и твердого гелия. Океан расплавленного кремния в кратере остекленел, потерял цвет и раскололся на миллиарды полигональных призм, лишенных малейшего намека на внутреннее тепло.

Волна абсолютного нуля двигалась со скоростью света.

Она накатила на исполинские ноги Сурта. Белое термоядерное пламя Демиурга мгновенно потускнело, переходя в

тусклый желтый, затем в грязно-багровый цвет тлеющих углей. Магнитные трубки, удерживавшие релятивистские потоки, лопнули от чудовищного падения проводимости — сверхпроводимость в контуре Лебедева достигла концептуального абсурда, выталкивая любое магнитное поле вовне.

— ****НЕТ!**** — взвыл бог синтеза. — ****Я — НАЧАЛО ВРЕМЕНИ!****

— А я — его предел, — оборвал Вадим.

Лебедев сжал кулак в перчатке.

[Внимание: Контур Тепловой Смерти переведен в режим «Абсолютная сингулярность энтропии».]

[Подавление сильного взаимодействия: Активировано.]

[Радиус действия: Планетарный сектор 01 — 48.]

[Потери тепла целью: 1.2×10^{32} Джоулей в секунду.]

[Внимание: Личные характеристики цели снижены на 84.7%.]

[Устойчивость концептуального тела Сурта-Разрушителя нарушена.]

Пылающий титан покачнулся.

Один из его исполинских рогов — протуберанец размером с Альпийский хребет — внезапно застыл, потерял свечение и превратился в гигантскую сосульку из вырожденно-го электронного газа. С глухим, отдающимся в недрах планеты грохотом этот рог отломился под собственной тяжестью и рухнул вниз, разбиваясь о ледяную корку на триллионы

сверкающих осколков, каждый из которых мгновенно испарялся без тепла, уходя прямо в сублимационную пустоту.

Наблюдатели в уцелевших обсерваториях империй, закрывавшие лица от неминуемой огненной смерти, замерли в оцепенении.

Термометры, еще минуту назад зашкаливавшие за пределы физических шкал и плавившиеся в свинцовых кожухах, внезапно замерли. Ртуть в древних приборах упала на дно трубок, замерзла в монолитный металл и разорвала стекло от аномального сжатия. По мониторам магических автоматов побежали синие системные строки, сменяя красные аварийные тревоги:

[Глобальное оповещение Системы!]

[Термический вектор инвертирован.]

[Температура континентальной зоны: Падение со скоростью 450 °C/сек.]

[Текущий планетарный статус: Угроза термического выжигания сменилась Угрозой Коллапса Решетки Реальности.]

[Источник аномалии: Субъект «Вадим Лебедев».]

— Он... он не защищается, — прошептал великий архимаг Элифас в цитадели Дальнего Восхода, глядя на небо сквозь уцелевший фильтр из поляризованного обсидиана. — Великие Боги... Он не гасит пламя водой или ветром... Он высасывает само движение из вселенной!

В небесах над эпицентром развернулась грандиозная бит-

ва двух фундаментальных начал бытия.

Сурт пытался продавить пространство, сжимая свое гигантское тело, чтобы спровоцировать гравитационный коллапс и рождение микроскопической сверхновой прямо на поверхности Аэтерны. Плотность энергии в его ядре возросла до критических величин; вокруг его груди закружился аккреционный диск из раскаленных до сотен миллионов градусов осколков кварковой материи. Демиург бросал в бой последний аргумент — термоядерный апокалипсис, способный превратить звездную систему в облако пыли.

Но Вадим даже не шелохнулся.

Его левая рука легла на эфес скрытого под плащом клинка — меча, выкованного из чистого Замедления, оружия, не имевшего массы, но обладавшего бесконечной энтропийной плотностью.

— Ты думаешь, термоядерный синтез — это вершина могущества? — тихо произнес Лебедев, делая еще один шаг по кристаллам замерзшего света. Вокруг его сапог расходились круги черного инея, мгновенно останавливавшие кипение мантии в глубинах разломов. — Ты всего лишь ребенок, играющий со спичками в пороховом погребе. Ты создал этот мир горячим, чтобы насытиться его теплом. Но ты забыл главное правило термодинамики, божок.

Вадим поднял глаза, и в их черных омутх блеснула искра первородного вакуума:

— Закрытая система всегда стремится к равновесию. И

это равновесие — Я.

Контур Тепловой Смерти взвыл на неслышимой для смертных частоте квантового распада. Волна абсолютного покоя сомкнулась на груди Сурта, и первичный термоядерный огонь, не знавший поражения с момента сотворения мира, впервые в истории вселенной начал превращаться в черный, неподвижный лед.

Глава 2. Законы термодинамики против богов

Небо над Аэтерной перестало быть небом. Оно стало горнилом.

Атмосферный купол над кальдерой вулкана Игнис-Майор лопнул со звуком, похожим на раскалывающийся хрустальный колокол размером с континент. Миллиарды кубических метров ионизированного воздуха выплеснуло в стратосферу, обнажая чернильную тьму мезосферы, где уже закручивались вихри солнечного ветра. Но даже бездна космоса не принесла прохлады: из зияющей раны в материи миров вываливалось нечто, перед чем меркли законы естества.

Сурт не просто разгневался. Бог-Кузнец Первородного Пламени, Архитектор Сверхновых и Владыка Склепа Звездного Огня отбросил любую попытку соразмерять свои силы с прочностью брэнной планеты. Если смертный червь посмел обратить вспять самую суть горения — значит, этот мир недостойн существовать в виде твердой тверди. Он станет пеплом, плазмой, квантовой взвесью.

Над хребтом обугленных базальтовых пиков вздымалась туша колосса. Сурт больше не сохранял гуманоидных очертаний: его тело шириной в десятки километров представляло собой пульсирующий клубок магнитных ловушек, внут-

ри которых бушевал синтез элементов тяжелее железа. Четыре колоссальных жгута корональной плазмы, закрученные в титанические спирали Лоренца, хлестали по облакам, испаряя ледники на соседних континентах одним лишь своим гамма-излучением.

В груди демиурга открылась брешь. Черная, слепящая пустота внутри его ядра обнажила сердцевину — искусственную протозвезду, искусственно коллапсирующую в сингулярность и непрерывно взрывающуюся миллионами направленных термоядерных импульсов.

— ****ИСПЕПЕЛИСЬ В СВЕТЕ ТВОРЕНИЯ!**** — грохот его голоса пришел не через воздух, а через тектоническую плиту, превращая гранитные пласты под ногами в жидкую вибрирующую кашу. — ****ТЫ ЖАЖДАЛ ПОКОЯ?! Я ДАМ ТЕБЕ ПОКОЙ В СЕРДЦЕ АСТРАЛЬНОГО СОЛНЦА!****

Из распахнутой пасти чудовища и из жерла в его грудной клетке вырвался Протуберанец.

Это не было огнем в земном понимании. Это был выброс звездного вещества — релятивистская струя чистейшей, сверхсжатой водородно-гелиевой плазмы, стабилизированная божественной волей и закрученная вдоль линий напряженности в сокрушительный луч диаметром в триста саженей. Температура на острие клина пробила барьер в сто пятьдесят миллионов Кельвинов.

Пространство перед лучом просто стиралось. Световые лучи преломлялись вокруг потока, формируя жуткое грави-

тационное кольцо — фотонную сферу чудовищного масштаба. Воздух не горел — субатомные связи в молекулах азота и кислорода рвались за миллисекунды до физического соприкосновения с лучом, превращая атмосферу в чистое кварк-глюонное месиво.

В пятидесяти лигах к востоку, на неприступных шпилях Цитадели Дальнего Восхода, происходило безумие.

Защитные чары высшего круга, веками защищавшие обитель архимагов от драконьего дыхания и падения метеоритов, шипели и испарялись тончайшими радужными пленками. Столбы трансмутационного серебра плавились прямо в стенах. Воздух в залах наблюдения раскалился до температуры кипения свинца, и лишь непрерывное плетение ледяных заклинаний десятого ранга удерживало магов от того, чтобы их легкие не сгорели при первом же вдохе.

Великий архимаг Элифас прижимал к иссохшему лицу пластину из шестислойного поляризованного обсидиана, зачарованного на поглощение лучистой энергии. Камень в его дрожащих пальцах трещал от внутреннего напряжения, покрываясь паутиной раскаленных багровых трещин.

— Архимагистр! — кричал сквозь вой сирен верховный летописец ордена, чья шелковая мантия уже тлела от вторичной радиации. — Система не справляется с логгированием! Плотность потока энергии в луче Сурта превысила предел измерения на шесть порядков! Это уровень «Апокалипсис

Класса Омега»! Литосфера прогорит насквозь за четыре секунды! Мантия выплеснется в открытый космос!

— Заткнись... — прохрипел Элифас. Слезы испарялись из его глаз прежде, чем успевали скатиться по морщинистым щекам. — Смотри в фокус... Смотри на вулкан!

— Там ничего не может остаться! При такой температуре распадаются сами атомы!

— Он... он не создает щитов, — шепот Элифаса звучал громче воя погибающего мира. — Вы видите защитный контур Воды? Стену Первородного Холода? Хоть одну печать богов Тишины?!

— Ничего нет, архимагистр! Ни единого всплеска защитной маны!

— Потому что он не защищается, — повторил Элифас с ужасом, доступным лишь существу, посвятившему пять сотен лет изучению тайных искусств и внезапно осознавшему, что вся его магия — лишь копошение червей в грязи. — Он... он ждет. Он презирает саму концепцию сопротивления.

Вадим Лебедев стоял на узком гребне остывающего базальта.

Вокруг него бушевал ад, но внутри его личной сферы радиусом ровно в три метра царила противоестественная, жуткая тишина. Черный иней, расходившийся от носков его армейских ботинок, больше не рос вширь — он кристаллизо-

вался вглубь, пронизывая саму геометрию пространства и запечатывая квантовые флуктуации вакуума.

Перед его глазами в бесконечном каскаде разворачивался интерфейс Системы. Некогда яркие лазурные панели игрового интерфейса здесь, в присутствии Субъекта Ноль, давно выцвели до цвета сырого пепла и мертвого графита.

[ВНИМАНИЕ: Зафиксирована атака Божественного Уровня.]

[Инициатор: Демиург Сурт (Ранг: Прародитель Звездных Горнил / Воплощение Первичного Огня).]

[Умение: «Венец Гелиоса: Протуберанец Сингулярности».]

[Тип урона: Чистый термоядерный распад / Релятивистская плазма / Божественная концепция Неукротимого Жара.]

[Плотность направленной энергии: 4.82×10^{28} Дж.]

[Температура в фокусе: 1.54×10^8 К.]

[Расчетное время до полного аннигилирования тела носителя: 0.00000004 сек.]

[Рекомендация Системы: Активировать аварийный протокол пространственного разрыва. Бежать за пределы текущей пространственно-временной складки.]

Вадим даже не моргнул. В его зрачках отражалась надвигающаяся стена ослепительного, фиолетово-белого пламени.

В этом луче было заключено могущество, способное испарить океаны Аэтерны и растопить ядро луны. Это была абсолютная манифестация порядка — порядка наивысшего энергетического состояния, где каждая частица двигалась в едином, строго выверенном направлении по воле бога, готовая передать свой гигантский импульс и уничтожить все на своем пути.

Тепло всегда считалось высшей силой. Жизнь зародилась в тепле. Звезды сияли теплом. Магия питалась перепадами потенциалов, пламенем сердец, жаром страстей. Вся эта вселенная, весь этот чертов игровой мир строился на догме: *чем выше температура твоего пламени, тем ближе ты к божественности*.

Какое убогое, первобытное заблуждение.

— Знаешь, в чем твоя главная слабость, Сурт? — голос Вадима не был громким, но в условиях разорванной атмосферы он звучал прямо в подкорке сознания бога, передаваясь через фундаментальные колебания квантовой пены. — Ты думаешь, что пламя — это созидание. Ты думаешь, что сконцентрированная энергия — это власть.

Лебедев медленно поднял правую руку. Его пальцы были затянуты в потрепанную перчатку без пальцев, открывавшую бледную, почти прозрачную кожу.

— Но огонь не существует сам по себе. Огонь — это всего лишь неравновесие. Это высокоорганизованная структура, пытающаяся отдать свой избыток окружающему миру.

Ты создал идеальный градиент. Колоссальную разницу потенциалов между своим лучом и пространством вокруг меня.

Пальцы Вадима слегка шевельнулись, словно он перебирал невидимые струны на деке невидимого инструмента.

— Но работа совершается только тогда, когда есть куда падать. А что произойдет, если я запрещаю тебе отдавать тепло порциями? Что будет, если я заставлю тебя достичь финала прямо сейчас?

В глубине сознания Лебедева щелкнул тумблер. Контур, формировавшийся на протяжении семидесяти двух томов его бесконечного, мучительного восхождения от жалкого земного физика-теоретика до кошмара божественных существ, вошел в резонанс.

[Активация классового концепта: «Второе Начало Термодинамики: Абсолютное Равновесие».]

[Ограничения Системы: Сняты.]

[Энергетические затраты Маны: 0.]

[Примечание: Энтропия не требует энергии для роста. Она требует лишь разрешения случиться.]

— Clausius non errat, — негромко произнес Вадим на мертвом языке Земли. — Энтропия изолированной системы не может убывать. Она стремится к максимуму. И этот максимум наступит прямо здесь.

Удар протуберанца произошел без звука.

В физическом мире столкновение релятивистской струи плазмы с препятствием должно было породить электромагнитный импульс планетарного масштаба, колоссальную ударную волну и огненный шар, видимый с других планет системы. Но когда луч Сурта коснулся полусферы, очерченной вокруг Вадима, ничего из этого не произошло.

Произошло нечто куда более противоестественное.

Ослепительный фиолетово-белый столб звездного вещества, несшийся со скоростью в десятки тысяч километров в секунду, внезапно... остановился. Не затормозил о невидимый щит, не разлетелся брызгами плазмы во все стороны.

Он просто потерял вектор.

Вектор скорости — это порядок. Согласованное движение триллионов ионов водорода и гелия в одном направлении — это низкая энтропия. Высокая степень организации. Сурт потратил миллиарды единиц божественной воли, чтобы заставить частицы подчиняться единому строю, выстроив их в карающий монолит.

Поле Вадима сняло этот порядок в одно мгновение.

Для квантовых частиц внутри луча внезапно перестало существовать понятие «вперед». Пространство внутри радиуса поражения стало статистически однородным. Каждая частица получила бесконечную степень свободы, и закон больших чисел Больцмана, возведенный в ранг непреложной метафизической аксиомы, вступил в свои полные права.

Миллионы градусов? Да, энергия никуда не исчезла —

Первый закон термодинамики оставался нерушим, Вадим не уничтожал материю и энергию, ибо знал, что это невозможно. Он сделал нечто в тысячу раз более жестокое.

Он уничтожил градиент.

В долю секунды колоссальная кинетическая и тепловая энергия протуберанца мгновенно и принудительно распределилась по всем возможным микросостояниям доступного объема. Температурная дельта ∇T , составлявшая доли мгновения назад сотни миллионов градусов между лучом и окружающей средой, рухнула в отвесное пике.

Поток плазмы прямо на глазах у оцепеневшего бога начал тускнеть.

Слепящий ультрафиолет и гамма-излучение сменились ядовито-желтым свечением, затем мягким оранжевым, следом — тусклым кирпично-красным. Плотность луча расплзалась, как кусок сахарной ваты, брошенный в кипяток. Но это не было рассеиванием в пустоту — это было мгновенное выравнивание температурного поля.

Ослепительное звездное копьё, способное пробить планету до ядра, на высоте пяти метров над головой Вадима обратилось в рыхлое, расплзающееся во все стороны облако.

Свечение исчезло полностью.

Вместо потока термоядерного апокалипсиса из эпицентра божественного удара вырвался... пар.

Обыкновенный, мутный, ленивый пар.

Тропосферная влага, смешанная с остывшим водородом

и углекислым газом, клубилась над базальтовыми уступами. Она не обжигала. Она не плавила камень. Она не несла в себе кинетической энергии.

Вадим стоял посреди этого клубящегося марева. Легкий порыв ветра, возникший из-за банального движения остывающего воздуха, шевельнул полы его длинного черного плаща. Лебедев вытянул руку, и на его раскрытую ладонь осели микроскопические капли теплой, чуть влажной росы.

Температура пара составляла ровно двадцать два градуса по Цельсию. Обычная, ничем не примечательная комнатная температура душного летнего вечера в спальном районе Москвы.

Ни единой искры. Ни единого фотона жесткого излучения. Миллиарды джоулей божественной ярости, растянутые по бесконечному числу степеней свободы, превратились в низкопотенциальное рассеянное тепло — в космический мусор, в энтропийную жижу, из которой больше никогда, ни при каких условиях нельзя было извлечь ни единого ватта полезной работы.

Перед глазами Вадима, перекрывая гигантскую тушу застывшего в апоплексическом шоке бога, заструились строки системных отчетов. Они шли не золотом победы и не багрянцем тревоги. Они пульсировали холодным, тусклым светом мертвого люминофора:

[Событие зафиксировано: Коллапс термодинами-

ческого потенциала атаки «Венец Гелиоса: Протуберанец Сингулярности».]

[Расчет термодинамических параметров в зоне контакта:]

— Исходная температура источника (T_1): 154 000 000 К.

— Исходная температура стока (T_2): 295 К.

— Исходный градиент температур (∇T): СТРЕМИТСЯ К БЕСКОНЕЧНОСТИ.

[Вмешательство Субъекта: Принудительная максимизация термодинамической вероятности ($\Omega \rightarrow \max$).]

[Градиент температур ликвидирован.]

[Текущая температура системы: 295.15 К (+22.0 °C).]

[Разность потенциалов: 0.000000000 В.]

[Свободная энергия Гельмгольца ($F = U - TS$): 0.00 Дж.]

[Максимально возможная полезная работа ($W_{\max}$): 0.00 Дж.]

[Атака бога Сурта обесценена до фонового шума.]

[Коэффициент полезного действия демиурга: 0.00000000 %.]

Системный звон в ушах смолк. Мир погрузился в тишину, прерываемую лишь тихим шипением остывающего пара, конденсирующегося на мертвых камнях вулкана.

В Цитадели Дальнего Восхода лопнула главная линза великого пророческого монокля.

Осколки зачарованного хрусталя дождем осыпали мозаичный пол, но ни один из верховных магов даже не вздрогнул. Архимаг Элифас стоял на коленях. Его обсидиановый щит выпал из ослабевших рук и раскололся о плиты. Старик не чувствовал боли в обожженных пальцах. Его разум, отточенный веками изучения тайных законов мироздания, трещал по швам, не в силах переварить случившееся.

— Где... где взрыв? — прохрипел магистр школы Элементального Огня, стоявший позади него. Лицо мага было блее савана. — Он должен был поглотить пламя... Он должен был заморозить его льдом первородной Бездны! Противопоставить силу силе! Но где противодействие?! Где отдача заклинания?!

— Ты глупец, Корнелиус... — голос Элифаса звучал так, словно старик уже говорил из могилы. — Мы все глупцы. Не было никакого заклинания.

— Но пламя погасло!

— Оно не погасло! — вскричал архимаг, срывая голос в истерику. — Ты разве не видишь потоки эфира?! Энергия осталась там! Вся! До единой крупички! Он не отразил ее... Он не уничтожил ее... Он сделал нечто бесконечно худшее. Он лишил ее смысла!

Элифас вцепился скрюченными пальцами в края обсидианового парапета, глядя на далекий, затянутый серым туманом

ном хребет:

— Сила богов держится на том, что их огонь горячее смертной плоти. Их свет ярче нашей тьмы. Они правят, потому что существует разница между их величием и нашим ничтожеством. Но этот человек... Этот монстр только что стер эту разницу. Он сделал божественный огонь равным дыханию бродячей собаки. Он уравнил Творца с пылью под его сапогами...

Сурт медленно опускал свои титанические длани.

Колосс дрожал. Миллиарды тонн раскаленной магмы в его суставах гудели, но в этом гуле больше не было торжества. В нем звучал первобытный, неопиcуемый ужас бессмертного существа, которое впервые за эоны своего существования столкнулось с чем-то, что лежало за пределами понятий «сильнее» или «слабее».

Бог смотрел на свои руки. Протуберанец иcсяк. Жерло в его груди все еще клокотало, вырабатывая немыслимые объемы энергии, но когда он смотрел вниз, на одинокую фигуру в черном плаще, стоящую в белом тумане, его божественный разум отказывался функционировать.

Он нанес удар достаточной мощи, чтобы испарить континент.

А результатом... результатом стал влажный, теплый ветерок.

Ветерок, который даже не опалил потрепанную ткань

одежды смертного.

— ****ЧТО... ЧТО ТЫ ТАКОЕ?!**** — вопль Сурта сотряс астральные планы. В нем больше не было величия. Это был крик зверя, чей клык сломался о пустоту. — ****ГДЕ МОЙ ОГОНЬ?! КУДА ТЫ ДЕЛ МОЮ СИЛУ, ТЛЯ?! ТЫ НЕ МОГ ПОГЛОТИТЬ ЕЕ! В ТЕБЕ НЕТ ВМЕСТИЛИЩА ДЛЯ ТАКОЙ ЭНЕРГИИ! ТЫ ДОЛЖЕН БЫЛ ЛОПНУТЬ, КАК МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ!****

Вадим вздохнул. Он засунул руки в карманы плаща и сделал неторопливый шаг вперед по влажному базальту. Вокруг его ног больше не вился пар — воздух был абсолютно стабилен. Никаких конвекционных потоков. Никаких завихрений. Идеальное, абсолютное динамическое равновесие.

— Я же сказал тебе, Сурт. Я ничего не поглощал.

Лебедев поднял голову, взглянув прямо в ослепительные провалы глаз бога, где в бессильной ярости метались протуберанцы угаасающей гордыни.

— Твоя энергия все еще здесь. Она никуда не ушла. Она распределена по каждому кубическому сантиметру этого тумана. Вон там, видишь? — Вадим небрежно указал подбородком на клубящееся белое облако. — Там ровно столько же джоулей, сколько было в твоём сердце секунду назад. Но ты больше никогда не сможешь собрать их обратно.

— ****Я СОБЕРУ ИХ! Я ПОВЕЛИТЕЛЬ ПЛАМЕНИ!****
— взревел демиург.

Его гигантская длань метнулась вперед, пытаясь силой бо-

жественного концепта сжать рассеянный пар обратно в плазменный фокус. Магия Истинного Пламени взвыла, сменяя метрику пространства. Сурт приказал теплу собраться в точку. Он приказал энергии сконцентрироваться, вновь стать клинком, вновь обрести температуру!

Но туман даже не шелохнулся.

Он просто оставался теплым паром при двадцати двух градусах Цельсия.

Магическая воля бога скользила по молекулам, не находя зацепа. Нельзя было заставить тепло течь от холодного к горячему без совершения внешней работы. А чтобы совершить эту работу, Сурту требовался другой источник энергии с еще более высоким потенциалом. Но где его взять, если высшая точка потенциала в этом мире — он сам, и его собственный потенциал только что был девальвирован до нуля?

[ВНИМАНИЕ: Зафиксирована попытка демиурга Сурта нарушить принцип локальной необратимости времени.]

[Статус: Отклонено фундаментальной константой системы.]

[Ошибка: Спонтанный переход тепла от менее нагретого тела к более нагретому невозможен без компенсации.]

[Теорема Карно: КПД тепловой машины бога равен нулю при отсутствии холодильника с более низкой температурой.]

[Системный вердикт: Действие не имеет физического и концептуального смысла.]

Лицо бога — если этот раскаленный рельеф из кипящего камня можно было назвать лицом — исказилось гримасой непонимания, переходящего в панику.

— Ты не понимаешь, правда? — негромко произнес Вадим, продолжая свой размеренный шаг к подножию титана. — Тысячи лет вы, так называемые боги, кормили смертных сказками о Великом Пламени. О Свете, который побеждает Тьму. О Жизни, которая есть вечное горение. Вы создали Систему, заставили людей качать уровни, раздувать свои духовные искры, повышать энергопотребление, жечь свои души в топках ваших бесконечных войн за веру.

Лебедев остановился у границы огромного кратера, оставленного прежними атаками демиурга.

— Вы внушили им, что побеждает тот, у кого больше огня. Но вселенная устроена иначе, Сурт. Огонь — это временная флуктуация. Вспышка спички в бесконечной, холодной пустоте. Звезды рождаются, чтобы умереть. Водород выгорит. Гелий выгорит. Железные ядра остынут. И в конце останется только одно.

Вадим вынул руку из кармана и медленно сжал пальцы в кулак.

Под его ногами серый, влажный базальт мгновенно потерял свой комнатный уют. Тепло, только что распределенное по объему, начало вытягиваться в никуда — не поглощать-

ся Вадимом, а просто исчезать из ткани реальности, словно пространство под его ногами превратилось в бесконечный радиатор, направленный в абсолютно пустой, лишенный звезд космос далекого будущего.

— В конце останется Тепловая Смерть. Идеальный, абсолютный покой. Никаких движений. Никаких мыслей. Никаких богов. Все частицы на одинаковом энергетическом уровне. Никто не может сделать шаг, потому что шаг требует перепада высот.

Вадим посмотрел на колосса снизу вверх. В черных, лишенных радужки и белков глазах человека Сурт впервые увидел отражение конца времен:

— Я не борюсь с твоим огнем, демиург. Я просто переносу тебя на триллион триллионов лет вперед. В тот момент, когда твое пламя уже остыло.

В небе над вулканом Игнис-Майор взвыли сирены Системы, окончательно теряющей контроль над физической моделью локации:

[ТРЕВОГА: Нарушение баланса элементов.]

[Понятие «Божественная Сила» не может быть оценено в текущих координатах.]

[Субъект «Вадим Лебедев» переводит локацию в состояние Полного Термодинамического Равновесия.]

[Время до исчезновения градиента сущности Демиурга Сурта: 00:03:00...]

Сурт закричал — и в этом крике впервые не было пламени. Был лишь скрежет остывающего, мертвого железа.

Глава 3. Криогенная дуэль

Крик демиурга разорвал стратосферу, но в этом звуке больше не звенел триумф первозданного творения. Это был скрежет сминаемых тектонических плит, стон остывающего звездного ядра, предсмертный хрип сверхновой, чей термоядерный запал иссяк перед лицом неизбежного коллапса.

Огненный гигант высотой в полтора километра, чья корона касалась ионизированных слоев атмосферы, содрогнулся. Вакуум энтропии, развернутый Вадимом Лебедевым, выкачивал из него не просто ману — он уничтожал саму квантовую основу теплового движения.

[ВНИМАНИЕ: Критическое падение энтропийного потенциала локации.]

[Демиург Сурт (Первородное Пламя Творения, Уровень 999+) теряет структурную целостность.]

[Энергетический градиент: -48.2% в секунду.]

[Адаптивный протокол Бога Пламени активирован: Сверхплотная компрессия.]

— Ты смеешь читать мне нотации о конце времен, смертный червь?! — взревел Сурт, и его голос породил электромагнитный импульс, выжегший спутниковые контуры Системы на орбите планеты. — Мое пламя горело до того, как сконденсировался первый атом твоего ничтожного мира! Моя воля зажигала квазары! Ты думаешь, что можешь

задуть огонь жизни дыханием своего мертвого бога?!

Колоссальная фигура начала стремительно сжиматься.

Это не было простым изменением формы. Это был гравитационно-термодинамический коллапс управляемой сингулярности. Миллиарды кубических метров бушующего водородного пламени, фотонного газа и магического инферно устремились к единому геометрическому центру. Пространство вокруг демиурга затрещало, словно тонкий лед, искривляясь под чудовищной массой стянутой в точку энергии. Оптический спектр сорвался: сначала в слепящую синеву черенковского излучения, затем в жесткий ультрафиолет и, наконец, схлопнулся в нестерпимо яркую, кристально-чистую белизну.

Огненный титан исчез.

На дне оплавленного циклопического кратера остался стоять воин.

Ровно три метра ростом. Безупречные, выточенные из сверхплотной материи пропорции. У него не было доспехов в привычном понимании: его броней и плотью стало само вещество белого карлика, удерживаемое в форме гуманоида невероятным усилием божественной воли. Этот белый огонь не колыхался на ветру — он дрожал с частотой планковских колебаний, спрессованный до плотности, при которой электроны вжимались в атомные ядра. Температура на поверхности его тела превышала десятки миллионов градусов. Вокруг его головы пульсировал нимб из синхротронного излу-

чения, а вместо глаз в черепе пылали две рентгеновские дуги.

Сурт сделал шаг вперед.

Обычный базальт, плагиоклаз и даже тугоплавкий титановый гранит древней платформы континента Игнис не успевали плавиться — они мгновенно сублимировали. Твердый камень взрывался, минуя жидкую фазу, и обращался в перегретый ионизированный газ. Но под чудовищной поступью трехметрового бога этот пар вжимался обратно, образуя зеркальные кратеры из перерожденного жидкого кремния, кипящего белым жаром. Воздух в радиусе пятисот метров мгновенно выгорел; молекулы азота и кислорода распадались на элементарные составляющие, формируя вокруг Сурта абсолютный вакуум, окаймленный стеной термоядерного плазменного фронта.

Каждый его шаг сотрясал литосферу с силой землетрясения в девять баллов. Демиург отбросил масштаб ради абсолютной концентрации. Теперь вся мощь первородного пожара, некогда освещавшего галактические рукава, была сфокусирована в объеме одного сверхплотного тела.

— Я выжгу твою пустоту, — произнес Сурт. Его голос больше не гремел в воздухе, которого не было. Звук передавался через вибрацию самого пространства-времени, модулируя гравитационные волны. — Я вложу температуру рождения Вселенной прямо в твою замерзшую глотку!

Вадим Лебедев не пошевелился. Он стоял на краю кипя-

щей бездны в своей потертой полевой куртке и тяжелых армейских ботинках, но этот человеческий облик был лишь тонкой проекцией для восприятия смертных.

Под его кожей уже не текла кровь. Там циркулировал абсолютный стазис.

[Протокол инициации: Абсолютный Ноль.]

[Температура ядра субъекта: 0,0000000000001 К.]

[Фазовый переход вещества подтвержден.]

[Развертывание экзо-структуры: «Холодный Панцирь Бозе-Эйнштейна».]

Вокруг Вадима реальность потеряла текстуру.

Воздух не просто замерз — он перестал существовать как совокупность отдельных атомов. Квантовые состояния триллионов частиц сконденсировались в единую волновую функцию. Вокруг тела человека сформировался доспех, не похожий ни на один металл во Вселенной. Это был макроскопический конденсат Бозе-Эйнштейна.

Он не отражал свет — он не взаимодействовал с электромагнитным спектром так, как привычная материя. Доспех выглядел как застывшая матовая пустота глубочайшего сапфирово-черного оттенка, на гранях которой преломлялись сами фотоны. В этом квантовом монолите отсутствовало понятие теплопроводности. В нем не было фононов — квантов тепловых колебаний кристаллической решетки. Передать тепло этому материалу было невозможно в принципе, потому что в нем не существовало механизма для восприя-

тия движения: любая кинетическая энергия, попадавшая на границу конденсата, обязана была замереть, чтобы удовлетворить уравнению абсолютного квантового покоя.

На плечах и предплечьях Вадима монолитные пластины конденсата смыкались с геометрической точностью фрактала Коха. На руках сформировались массивные граненые латные рукавицы, в глубине которых мерцали призрачные интерференционные полосы — видимое проявление квантовой вероятности, запертой в макром мире.

Лицо Вадима скрылось за глухим забралом из сверхтекучего кристаллического азота, переведенного в металлизированное состояние при сверхвысоком давлении энтропийного поля. Сквозь смотровую щель сияла лишь абсолютная, беспросветная тьма — гравитационный зев черной дыры, лишенной массы, но обладающей бесконечной жаждой тепла.

Сурт приближался. С каждым его шагом гранит континентального щита уходил вниз, образуя каньон из кипящего стекла. Расстояние сократилось до ста метров. До пятидесяти. До десяти.

Термодинамический контраст между двумя сущностями достиг масштабов, которых эта реальность не видела с момента Большого Взрыва. С одной стороны — точка с температурой в сотни миллионов кельвинов, плотность энергии планковского уровня, ярость расширяющегося творения. С другой — точка, где температура опустилась ниже абсолютного нуля в зону отрицательных температур по шкале Кель-

вина, где энтропия обращалась вспять, заставляя термодинамические стрелы времени ломаться и рассыпаться в пыль.

— Сдохни во имя Жизни! — взревел Сурт.

Белый бог сорвался с места. Его скорость превысила скорость звука в твердых породах в сотни раз. Он не бежал — он пробил пространство, превратив разделяющие их метры в сплошной туннель из релятивистской плазмы.

Его правый кулак, сжатый с силой гравитационного коллапса, нес в себе эквивалент кинетической и тепловой энергии падения астероида диаметром в пятьдесят километров. Вокруг кулака закручивался вихрь кварк-глюонной плазмы, рожденной прямым расщеплением пространства. Это был звездный огонь первородного творения — удар, способный сдуть атмосферу планеты размером с Юпитер.

Вадим не стал уклоняться. Он не сделал даже полшага назад.

Шагнув навстречу левой ногой, вминая каблук в кипящий гранит, который мгновенно остекленел и растрескался от мертвого холода, Вадим выбросил вперед свой правый кулак.

Никаких замахов. Никаких лишних движений. Чистая, экономная механика советского бокса, возведенная на уровень космологического фундаментализма. Прямой удар навстречу. Кулак из конденсата Бозе-Эйнштейна, несущий в своей сердцевине квантовую сингулярность абсолютного нуля.

Мир замер.

За долю пикосекунды до столкновения все законы физики, зашитые в код Системы, дали сбой. Время внутри точки контакта растянулось, стремясь к бесконечности. Два кулака — ослепительно белый, изрыгающий рентгеновские фотоны, и матово-черный, пожирающий свет и пространство — соприкоснулись костяшками пальцев.

Не было звука. Воздух вокруг испарился задолго до этого, а сама материя в точке контакта была дезинтегрирована.

Наступила абсолютная, зловещая тишина, длившаяся один удар замершего сердца Вселенной.

А затем грянуло.

[СИСТЕМНОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРИОРИТЕТА!]

[Локация: Континент Игнис, Тектоническая плита Майор.]

[ЗАФИКСИРОВАН КОНТАКТ ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ СИНГУЛЯРНОСТЕЙ.]

[Тип взаимодействия: Планковская Термодинамическая Дуальность.]

[Источник А: Первородный Кварковый Огонь (Демиург Сурт).]

[Источник Б: Макроскопический Конденсат Бозе-Эйнштейна (Субъект Вадим Лебедев).]

[Калькуляция энергетического вектора...]

[КРИТИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ: Беско-

нечная энергия сталкивается с абсолютной теплоемкостью нулевого состояния.]

[БАЛАНС СИЛ: 50% НА 50%.]

[Предупреждение: Структура реальности не поддерживает заданные параметры! Схлопывание координатной сетки!]

Ударная волна не пошла по воздуху — она ударила прямо в литосферу, в саму ткань геометрии мира.

Земля под их ногами не просто треснула. Континентальная плита толщиной в сорок километров раскололась, словно брошенное на наковальню оконное стекло. Глубинный разлом длиной в шесть тысяч километров с ревом распол материк от вулкана Игнис-Майор до южных полярных морей. Воды океана, хлынувшие в образовавшуюся бездну, мгновенно испарялись на одном краю и замерзали в сверхплотный лед на другом. Тектонический щит вздыбился; целые горные хребты на горизонте начали осыпаться, обращаясь в каменную пыль под действием гравитационного эха.

В небесах разорвало облачный покров планеты, обнажив черное космическое пространство среди бела дня. Атмосферное кольцо диаметром в тысячу километров было выбито в открытый космос фронтом ударной декомпрессии.

Но в самом эпицентре, в точке, где кулак бога упирался в кулак человека, не сдвинулось ничто.

Сурт взвыл от нечеловеческого напряжения. Из его пор, из микроскопических трещин в его белом теле хлестали про-

туберанцы, каждый из которых мог бы испепелить мегаполис. Его божественная искра работала на пределе саморазрушения, выкачивая энергию из сотен подконтрольных измерений-топок. Он давил. Он вкладывал в этот удар ярость всех звезд, когда-либо горевших в мироздании.

— Сгори! — хрипел бог, и рентгеновские лучи из его глазниц прожигали километровые дыры в мантии планеты. — Распадись на кванты! Твоему холоду не поглотить пламя самого творения! Я есть рождение! Я есть движение!

Но Вадим держал удар.

Его рука не дрогнула ни на долю микрона. Ноги, закованные в матовый сапфир квантового конденсата, стояли монолитно, впаянные в точку пространства, которую он объявил абсолютно неподвижной.

Для Вадима не существовало понятия силы в ньютоновском смысле. Кинетическая энергия удара Сурта, равная совокупной мощности взрыва триллиона водородных бомб, попадая на поверхность брони из конденсата Бозе-Эйнштейна, не находила сопротивления в виде упругой деформации. Ей не обо что было деформироваться. Она просто сталкивалась с нулевым состоянием движения.

Колебания гасились в зародыше. Фононы, которые должны были передать импульс телу человека, распадались на границе раздела сред. Тепловая энергия суртского кулака пыталась нагреть то, что не имело механизма нагрева. Температура не могла подняться ни на миллиардную долю гра-

дуса, потому что квантовая суперпозиция атомов конденсата требовала бесконечного количества джоулей для вывода хотя бы одной частицы из основного состояния. Вадим работал как идеальный, математически безупречный сток энтропии.

Вся чудовищная мощь демиурга уходила в никуда. Она рассеивалась по бесконечным квантовым степеням свободы будущего, растекалась по вечности, в которой Вселенная уже остыла до ровного серого шума реликтового фона.

— Ты тратишь топливо, Сурт, — спокойно, без малейшей одышки произнес Вадим из-под черного забрала. Его голос не звучал — он отпечатывался прямо в разуме демиурга через квантовую запутанность их соприкоснувшихся полей. — Каждая секунда этого удара стоит тебе триллиона сгоревших звезд твоих доменов. Ты чувствуешь, как они гаснут? Там, в твоих мирах, небеса становятся черными.

Глаза Сурта на мгновение расширились от первобытного ужаса.

Бог пламени посмотрел вниз — на место соприкосновения их кулаков.

Там, где белое вещество его пальцев касалось черных граней перчатки Вадима, свет начал меркнуть. Термоядерная реакция в его руке не могла продолжаться. Ядра водорода и гелия переставали сливаться; им не хватало тепловой энергии для преодоления кулоновского барьера, потому что холод Лебедева высосал градиент прямо из субатомной структуры.

Белый огонь Сурта начал покрываться коркой.

Сначала это была едва заметная тусклая пленка. Затем — серый, безжизненный шлак. Кварк-глюонная плазма кулака демиурга остывала, рекомбинируя обратно в адроны, адроны сбивались в нестабильные ядра, а те замирали, скованные криогенным параличом.

[ВНИМАНИЕ: Локальный теплообмен нарушен.]

[Зафиксировано поглощение термодинамического потенциала источника «Сурт».]

[Скорость остывания демиурга: 10^{14} К/с в зоне контакта.]

[Деградация божественной сущности: 3%... 7%... 12%...]

— Нет... — прохрипел Сурт. Он попытался разорвать контакт, попытался отдернуть руку, отскочить назад, развернуть крылья плазмы и взмыть в ионосферу, но не смог.

Его кулак прилип.

Это было не физическое сцепление. Это был термодинамический коллапс границы раздела. В сверхнизких температурах Бозе-конденсата возникла квантовая когерентность: частицы демиурга, лишаясь тепла, насильно втягивались в ту же самую волновую функцию абсолютного покоя. Сурт больше не был отдельным объектом — он становился частью доспеха Вадима. Частью его криогенного саркофага.

Иней — не водяной, а иней из замерзшего света, кристаллизованного времени и мертвого фотонного газа — начал

медленно, неотвратно ползти вверх по трехметровой руке белого бога.

— Я предупреждал тебя, — глухо отозвался человек, и его левая рука, свободная от удара, медленно поднялась, раскрывая черную матовую ладонь. — Ты построил свою империю на предположении, что тепло вечно. Но тепло — это лишь затянувшийся взрыв. А любой взрыв рано или поздно заканчивается пустотой.

Тектонический разлом под их ногами продолжал расширяться, раскалывая материк на две дрейфующие половины, магма била фонтанами на десятки километров ввысь, застилая небеса пеплом, но вокруг двух застывших фигур бушевала лишь немая, леденящая вечность.

Вадим сжал пальцы левой руки.

— Равновесие достигнуто, Сурт. Теперь наступает покой.

Глава 4. Гашение звездного синтеза

Для человеческого взгляда мир замер, но в масштабах квантовой хронодинамики развернулась настоящая катастрофа.

Время для Вадима Лебедева текло иначе. Когда твое сознание синхронизировано с фундаментальными константами затухающей вселенной, одна секунда распадается на триллионы планковских интервалов. Бушующий вокруг тектонический ад — колоссальные гейзеры базальтовой лавы, вспарывающие стратосферу, вихри радиоактивного пепла, расходящиеся по коре планеты трещины глубиной в мантию — превратился в неподвижную, застывшую в янтаре панораму.

Капли жидкого камня повисли в воздухе сверкающими рубиновыми бусинами. Ударная волна от расколотого материка застыла плотным, преломляющим свет куполом сжатого газа.

Двигались только двое.

Человек в матово-черном панцире абсолютного поглощения и трехметровый демиург, чье тело представляло собой открытую рану в ткани пространства, сквозь которую хлестала первичная энергия Большого Взрыва.

Точнее — хлестала мгновение назад.

Рука Сурта, вросшая в левую перчатку Вадима через монолит сколлапсировавшего Бозе-конденсата, больше не излучала слепящий свет. Серая корка шлака — мертвого, лишённого кинетической энергии барионного вещества — с тихим, сухим шелестом расползлась вверх по предплечью бога. Это был звук, с которым замерзает перенасыщенный солевой раствор, звук кристаллизации абсолютного покоя.

— Что... ты... делаешь?... — Голос Сурта потерял свою громоподобную полифонию. Он больше не звучал как хор тысячи солнечных протуберанцев. В нем прорезался скрежет сухого льда, скрип перенапряженного базальта.

Демиург попытался сделать то, что делал всегда на протяжении девяти миллиардов лет своего непрерывного бытия: зачерпнуть силу из истока. Вспыхнуть. Превратить саму концепцию сопротивления в перегретый пар.

В глубине его грудной клетки, там, где у смертных билось уязвимое органическое сердце, располагалась сингулярность иного рода. Живое звездное ядро.

Вадим опустил веки, и его внутреннее зрение — модифицированное сотнями уровней Класа «Вестник Энтропии» — пронзило сияющую плоть противника. Перед мысленным взором Лебедева развернулась многомерная голограмма субклеточного строения бога.

[ВНИМАНИЕ: Активирован глубокий спектральный анализ объекта «Сурт, Владыка Первородного

Пламени».]

[Класс угрозы: Космологический / Демииургический.]

[Источник питания: Самоподдерживающийся термоядерный коллапс класса G2V-O.]

[Текущая плотность ядра: 1.62×10^5 кг/м³.]

[Центральное давление: 2.48×10^{16} Па.]

[Температура в эпицентре: 15,700,000 Кельвинов.]

[Доминирующий цикл: Протон-протонная цепочка (pp-I, pp-II, pp-III).]

— Вот оно, — тихо произнес Вадим. Слова не сорвались с его губ в виде звуковых волн — воздух вокруг его шлема давно вымерз в твердую углекислотную пыль. Они передались через квантовую сцепку прямо в вибрирующую матрицу сознания Сурта. — Твое бессмертие. Твоя гордость. Твоя примитивная фабрика гелия.

Сурт не был просто магом огня. Магия огня на семьдесят втором томе Системы была детской забавой для смертных магов начальных кругов. Сурт являлся физическим воплощением Главной последовательности. Внутри него кипел тот же самый процесс, который зажигал новорожденные звезды во тьме войдов: ядра водорода сталкивались под чудовищным давлением, преодолевали фундаментальное кулоновское отталкивание за счет квантового туннелирования и сливались, рождая дейтерий, гелий-3, гелий-4 и испуская в пространство колоссальные потоки позитронов, гамма-кван-

тов и электронных нейтрино.

Каждую наносекунду Сурт сжигал миллионы тонн концептуальной массы, переводя дефект массы в чистую, яростную кинетику теплового расширения. Именно это расширение держало его форму, не давая чудовищной гравитации его собственного божественного ранга схлопнуть его в черную дыру.

— Я — Звезда! — взревел Сурт, и в его белых, лишенных зрачков глазах плеснулась первобытная паника. — Я — то, что разгоняет мрак пустоты! Ты не можешь погасить то, что питает галактики, червь!

Белый гигант напряг сухожилия из концентрированных магнитных силовых линий. Он попытался сместить баланс синтеза, форсировать переход на CNO-цикл — углеродно-азотно-кислородный катализ, способный поднять температуру ядра до сотни миллионов градусов. Если бы ему это удалось, вспышка сожгла бы планету вместе с атмосферой, превратив литосферу в раскаленный шлаковый диск.

Но Вадим даже не шелохнулся.

Пальцы его свободной левой руки медленно, с филигранной точностью нейрохирурга, совершающего разрез на открытом мозге, шевельнулись в воздухе. Кончики пальцев вспыхнули не светом, а его идеальной противоположностью — точечными проколами абсолютной черноты, микроскопическими сингулярностями отрицательного давления.

— Ты путаешь причину и следствие, Сурт, — холодно

отозвался Вадим. — Звезда горит не потому, что она бессмертна. Звезда горит потому, что она отчаянно и непрерывно падает сама в себя. Твой огонь — это не триумф жизни. Это конвульсии материи, пытающейся отсрочить неизбежное.

[Иницирован навык: «Точечный Энтропийный Дренаж: Окно Гамова».]

[Выделение квантовых связей ядра цели: Захвачено.]

[Вектор воздействия: Запрет квантового туннелирования.]

Лебедев ударил не по плазме. Бить по плазме холодом снаружи — бесполезная трата маны, которую Сурт мгновенно компенсировал бы притоком энергии из центра. Вадим вонзил свою волю прямо в математику микромира.

В нормальных условиях протоны в ядре звезды отталкиваются с непреодолимой силой — одноименные положительные заряды создают потенциальный барьер Кулона такой чудовищной высоты, что классической кинетической энергии частиц при пятнадцати миллионах градусов категорически недостаточно для их сближения на расстояние действия сильного ядерного взаимодействия (порядка одного фемтометра). Термоядерный синтез во Вселенной существовал лишь благодаря квантовой неопределенности: протоны не перелетали через барьер, они просачивались сквозь него. Они туннелировали.

Вадим Лебедев отменил эту вероятность.

Используя свойство Бозе-конденсата подавлять квантовые флуктуации и загонять волновые функции в единое, мертвое базовое состояние, он начал выкачивать энергию нулевых колебаний вакуума прямо из мезонных полей Сурта.

Он не просто остужал частицы. Он делал потенциальный барьер непреодолимым.

Окно Гамова — узкий энергетический диапазон, в котором вероятность слияния протонов была отлична от нуля, — начало схлопываться. словно невидимая титаническая заслонка опустилась в субатомном реакторе бога.

Два протона устремились навстречу друг другу в самом сердце демиурга на скорости в тысячи километров в секунду. В обычное мгновение они бы слились, один из них испытал бы бета-распад, испустив позитрон и нейтрино, и превратился бы в дейтрон, выделив 1.44 мегаэлектронвольта чистой энергии.

Но в метрике, искаженной холодом Вадима, они врезались в бесконечно возросший кулоновский барьер.

Слияния не произошло.

Упругий отскок. Еще один отскок. Миллиарды, секстиллионы протонов в ядре Сурта метались, как обезумевшие бильярдные шары, но больше не могли прикоснуться друг к другу. Сильное ядерное взаимодействие оказалось заперто за непроницаемой стеной вымороженного квантового про-

странства.

Слабое взаимодействие — распад протона в нейтрон — захлебнулось, лишенное термодинамического градиента. Позитронная эмиссия прекратилась. Поток нейтрино, прошивавший планету насквозь со скоростью света, внезапно оборвался, словно перерезанный лазером кабель.

И в этот миг ядро бога дрогнуло.

[СИСТЕМНОЕ ОПОВЕЩЕНИЕ:]

[Зафиксирован критический сбой в структуре объекта «Сурт».]

[Протон-протонный цикл (pp-цепочка): Скорость реакции снижена на 34%... 58%... 76%...]

[ВНИМАНИЕ: Эффективность термоядерного синтеза противника упала на 90%!]

[Выделение лучистой энергии снизилось с 3.828×10^{26} Вт до критического минимума.]

[Нарушение гидростатического равновесия цели!]

Внутреннее излучение, которое миллиарды лет распирало Сурта изнутри, противодействуя гравитационному коллапсу его колоссальной энергетической массы, исчезло за доли секунды.

Давление фотонного газа рухнуло.

— А-а-а-а-а-ах!... — Это был не крик боли. Это был крик существа, у которого внезапно отняли саму основу его восприятия реальности.

Сурт дернулся. Его гигантское тело, до этого казавшееся

монументом из ослепительного белого мрамора, вдруг случилось на несколько десятков сантиметров. Собственная гравитация бога начала безжалостно сминать его внешние слои внутрь. Обычно при таком коллапсе плотность вещества резко возрастает, температура подскакивает по законам идеального газа, и синтез вспыхивает с новой, еще более чудовищной силой — так рождаются сверхновые.

Сурт ждал этой спасительной вспышки. Он широко раскрыл рот, готовясь изрыгнуть коллапсирующий гамма-всплеск, который разорвал бы контакт с Лебедевым и испепелил континент.

— Сожмись... Сожгись... **ВСПЫХНИ!** — хрипел он, и жилы на его шее надувались черными протуберанцами.

— Не вспыхнет, — тихо, почти с жалостью произнес Вадим.

Его левая ладонь мягко легла на грудь демиурга — прямо над затухающим сердечным ядром.

— Закон Шарля здесь больше не работает, Сурт. Адиабатическое сжатие требует сохранения тепла. Но я забираю тепло быстрее, чем твоя масса успевает сблизиться. Твое гравитационное падение не нагреет тебя. Оно лишь ускорит твой конец.

Черный доспех Лебедева запульсировал бледно-синими линиями поглощения. Каждое квантовое микросостояние, высвобождающееся при сжатии плазмы Сурта, немедленно всасывалось в бесконечный термодинамический сток за пле-

чами человека. Вадим работал как идеальный демон Максвелла наоборот: он не разделял горячие и холодные молекулы, он уничтожал само понятие фазового пространства.

Плазма в ядре Сурта начала остывать с немыслимой скоростью.

Десять миллионов Кельвинов.

Пять миллионов.

Один миллион.

На одном миллионе Кельвинов вещество потеряло статус полностью ионизированного газа. Электроны, веками летавшие свободно в бушующем хаосе ядра, начали испытывать неодолимое притяжение обнаженных ядер. Начался процесс рекомбинации. Электроны падали на атомные орбитали, излучая фотоны — но эти фотоны не могли согреть умирающего бога. Вадим выпивал их на стадии формирования волнового пакета.

Ядро Сурта, бывшее источником тепла для целых звездных систем, превратилось в гигантский холодильник, вымораживающий собственное тело.

И тогда пришел Холод.

Для Сурта это было не просто физическое явление. Это было метафизическое крушение. Он был рожден в эпоху рекомбинации ранней Вселенной. Он помнил, как остывал первичный водород, образуя первые протозвезды. Он купался в квазарах, он спал в коронах пульсаров. Для него понятия «холодно» никогда не существовало — существовало лишь

«меньше тепла».

Но то, что текло сейчас сквозь пальцы Вадима, не было просто низкой температурой.

Это было Оцепенение.

Это было тотальное, абсолютное прекращение движения.

Сурт попытался пошевелить пальцами правой руки — теми самыми, что секунду назад могли дробить планетоиды. Пальцы не отозвались. Они стали тяжелыми, словно отлитыми из свинца. Вязкость его плазменной крови подскочила в триллионы раз. Ионы железа, примеси тяжелых элементов, дремавшие в глубинах его естества, начали кристаллизоваться прямо внутри энергетических каналов.

— Я... не чувствую... — прошептал он. Его нижняя челюсть двигалась с чудовищным трудом, с сухим стеклянным треском. — Я не чувствую... плеча. Где мое пламя? Где мое сияние?..

Белый свет, струившийся из пор его кожи, начал мутнеть.

Он деградировал по шкале Планка прямо на глазах.

Ослепительный сине-белый спектр сместился в чистый белый. Затем — в тревожный, ядовито-желтый. Желтый продержался всего несколько ударов замирающего пульса и сполз в грязно-оранжевый. Наконец, тело Сурта окрасилось в тусклый, тлеющий багровый цвет остывающего уголька, забытого под дождем.

Свет умирал. Длина волны испускаемого им излучения растягивалась, уходя из видимого диапазона в инфракрас-

ный, из инфракрасного — в микроволновый, приближаясь к фоновому шуму мертвого космоса.

[ВНИМАНИЕ: Температура ядра демиурга пересекла критическую отметку.]

[Текущие показатели объекта «Сурт»:]

[Температура фотосферы: 4,500 Кельвинов.]

[Температура ядра: 85,000 Кельвинов... 12,000 Кельвинов... 3,400 Кельвинов...]

[СИНТЕЗ ОСТАНОВЛЕН ПОЛНОСТЬЮ.]

[Концентрация свободного водорода: 73% (заморожен в метастабильной фазе).]

[Фиксация аномалии: Температура объекта упала до 1,000 Кельвинов!]

Тысяча Кельвинов.

Температура горячей духовки. Температура тлеющего костра на стоянке смертных бродяг. Для человека это было жаром, способным расплавить свинец. Для существа, чья физиология была рассчитана на десятки миллионов градусов ядерного ада, это была точка глубокой, терминальной клинической смерти.

Сурт задрожал.

Это было первое содрогание в его вечной жизни. Мелкая, унижительная, жалкая дрожь. Его зубы — кристаллы сверхплотного углерода — застучали друг о друга с громким, паническим дробным стуком.

Его броня, когда-то сотканная из чистой солнечной хро-

мосферы, осыпалась серым пеплом, обнажая тусклую, темно-вишневую кожу, которая на глазах чернела, покрываясь узорами морозного инея. Иней на Суре выглядел святотатством, ошибкой мироздания, сбоем в матрице кода творения. Белые кристаллы замерзшего метана и азота оседали на его ресницах, на его некогда пылавших волосах, превращая их в ломкие ледяные сосульки.

— Почему?.. — выдавил он. Из его чернеющих губ вместо плазменных протуберанцев вырвалось лишь бледное облачко пара — конденсированная влага разорванной гидросферы, замерзающая прямо на лету. — Почему ты... не берешь мою силу себе?.. Если ты убьешь меня... ты должен занять мой трон... Ты должен стать новым Солнцем!..

Вадим медленно покачал головой. Лицевой щиток его шлема отражал умирающий красный свет в груди бога.

— Зачем мне твой трон, Сурт? Зачем мне становиться еще одним затухающим костром в пустой и холодной комнате?

Лебедев сжал пальцы на груди демиурга чуть крепче. Под его ладонью послышался хруст — это дегенерировавшая материя сердечника, сжатая гравитацией без поддержки термоядерного давления, превращалась в холодную металлическую решетку. Водород под давлением в миллионы атмосфер, лишенный тепла, перешел в твердую металлическую фазу. Звездное ядро Сурта больше не было плазменным вихрем.

Оно стало сплошным, мертвым куском сверхпроводящего металлического водорода. Монолитом из абсолютного льда.

— Все ваши пантеоны, все ваши золотые эпохи, все ваши циклы перерождения — всего лишь флуктуация, — спокойно, размеренно говорил Вадим, и его голос звучал как эпитафия целой эпохе. — Вы тратите триллионы лет на то, чтобы на мгновение зажечь искру, построить города из света, провозгласить себя бессмертными... А потом приходит Второе Начало Термодинамики. Энтропия всегда берет свое, Сурт. Я не враг тебе. Я просто исполнитель судебного приговора, который Вселенная вынесла сама себе в момент своего рождения.

Сурт попытался поднять глаза. В них больше не было ярости. Не было высокомерия демиурга, создававшего галактические рукава движением бровей.

В них остался лишь первобытный, детский ужас. Ужас живого существа, замерзающего в ледяной пустыне под безразличными черными небесами.

— Мне... холодно... — едва слышно проскрипели окаменевшие голосовые связки бога. — Великий Рагнарёк... пламя должно было пожрать всё... Это должно было быть... пламя...

— Пламя никогда ничего не сжигает до конца, — ответил Вадим, делая последний шаг вперед и полностью вдавливая ладонь в замерзшую грудину титана. — Пламя оставляет после себя пепел. А пепел — остывает.

[ВНИМАНИЕ: Зафиксирован фазовый переход первого рода.]

[Структурная целостность объекта «Сурт»: 14%... 8%... 2%...]

[Божественный статус аннулирован.]

[Температура поверхности: 750 Кельвинов... 500 Кельвинов... 300 Кельвинов...]

[Температурное равновесие с окружающей пустотой почти достигнуто.]

Сурт замер окончательно.

Его трехметровое тело больше не излучало ни единого фотона в видимом спектре. Теперь это была гигантская, черная как антрацит статуя из металлического водорода, замерзшего углерода и кристаллизованного железа, стоящая на краю расколотого надвое континента. Ветер, ледяной и яростный, закружил вокруг двух неподвижных фигур поземку из замерзших газов атмосферы.

Рука Вадима разжалась.

Черные пальцы оторвались от груди мертвого бога с сухим треском разрывающихся криогенных связей. На полированном металле доспеха Лебедева не осталось даже копоты.

Звездный синтез угас. Вселенная вокруг них сделала еще один необратимый шаг к своему финальному, абсолютному покою.

Глава 5. Падение Демиурга

Его голос звучал как эпитафия целой эпохе.

— Вы тратите триллионы лет на то, чтобы на мгновение зажечь искру, построить города из света, провозгласить себя бессмертными... А потом приходит Второе Начало Термодинамики. Энтропия всегда берет свое, Сурт. Я не враг тебе. Я просто исполнитель судебного приговора, который Вселенная вынесла сама себе в момент своего рождения.

Сурт попытался поднять глаза. В них больше не было ярости. Не было высокомерия демиурга, создававшего галактические рукава движением бровей.

В них остался лишь первобытный, детский ужас. Ужас живого существа, замерзающего в ледяной пустыне под безразличными черными небесами.

— Мне... холодно... — едва слышно проскрипели окаменевшие голосовые связки бога. — Великий Рагнарёк... пламя должно было пожрать всё... Это должно было быть... пламя...

— Пламя никогда ничего не сжигает до конца, — ответил Вадим, делая последний шаг вперед и полностью вдавливая ладонь в замерзшую грудину титана. — Пламя оставляет после себя пепел. А пепел — остывает.

Пальцы Вадима — закованные в матовую, поглощающую любой квант света броню Наследника Пустоты — сомкну-

лись на пылающем адамантовом горле владыки Муспельхейма.

В этот миг реальность вокруг них надломилась.

[ВНИМАНИЕ: Активация предельного ранга Концептуального Домена!]

[«Абсолютный Ноль: Тепловая Смерть» (Истинный Пассивный / Экзистенциальный). Мощность: Максимум.]

[Цель: «Сурт-Разрушитель, Бог Первородного Пламени, Столп Творения».]

[Соппротивление цели: Подавлено. Энтропийный коэффициент: Неизмерим.]

Сурт забился, но в этой конвульсии уже не было титанической мощи, сотрясавшей миры. Это было судорожное, замедляющееся трепетание мотылька, пойманного в чан со сжиженным гелием. Внутри бога, чья кровь состояла из звездной плазмы, а сердце билось в ритме квазара, шел катастрофический, необратимый слом базовых констант бытия.

Вадим не просто применял холод. Холод в понимании смертных магов — это всего лишь стихия, кинетическое замедление молекул воздуха, детская ледяная сосулька. То, что нес в себе Вадим после сотен покоренных измерений и семидесяти двух томов непрерывной бойни, являлось космической метафизикой. Он выдирает из сущности демиурга саму концепцию движения.

Квантовая неопределенность Гейзенберга сжималась в

точку. Вадим вдавил пальцы глубже, сминая хрящи из спрессованного звездного огня, и послал финальный термодинамический импульс.

— Стой.

Это была не команда, а закон.

В груди Сурта разорвался термоядерный цикл. Протон-протонная цепочка, питавшая божество со времен Великого Взрыва, прекратилась. Сильное ядерное взаимодействие затрещало, словно сухой хворост. Электроны, вечно метавшиеся по своим квантовым орбиталиям на околосветовых скоростях, вдруг начали терять энергию, опадая на ядра, словно мертвые птицы на мерзлую землю.

[ВНИМАНИЕ: Зафиксирован фазовый переход первого рода.]

[Структурная целостность объекта «Сурт»: 14%... 8%... 2%...]

[Божественный статус аннулирован.]

[Температура поверхности: 750 Кельвинов... 500 Кельвинов... 300 Кельвинов...]

[Температурное равновесие с окружающей пустотой почти достигнуто.]

— Прости, древний, — тихо прошептал Вадим, глядя прямо в зрачки бога, которые из ревуших белых карликов стремительно превращались в мутные, замерзшие базальтовые диски. — Твой огонь был прекрасен. Но он стоил Вселенной слишком дорого.

Сурт дернулся в последний раз. Его губы, еще секунду назад способные извергать солнечные протуберанцы на дистанцию в астрономическую единицу, попытались сомкнуться, но замерзшая углеродная решетка на губах не выдержала напряжения. Микроскопическая трещина побежала по нижней челюсти. Не было ни крика, ни стога. Звуковые волны больше не могли распространяться — воздух вокруг них превратился в твердый осадок.

[Температура объекта: 50 Кельвинов... 10 Кельвинов... 2.7 Кельвина (Реликтовый фон преодолен)...]

[Температура объекта: 0.0000001 Кельвина...]

[Зафиксировано падение до истинного термодинамического нуля: 0.000000000000 K.]

[Состояние материи: Сверхплотный Бозе-Эйнштейновский конденсат / Вырожденное сингулярное кристаллическое тело.]

Сурт замер окончательно.

Его трехметровое тело больше не излучало ни единого фотона в видимом спектре. Теперь это была гигантская, черная как антрацит статуя из металлического водорода, замерзшего углерода и кристаллизованного железа, стоящая на краю расколотого надвое континента. Вся космическая энергия демиурга, вся его колоссальная ярость, спрессованная в миллионы лет завоеваний, оказалась заперта в неподвижности. Любое колебание атомов внутри него остановилось. Энтропия достигла локального абсолюта.

Ветер, ледяной и яростный, закружил вокруг двух неподвижных фигур поземку из замерзших газов атмосферы. Кислородный и азотный снег мягко, с легким шуршанием оседал на плечи титана, не тая. Атмосфера умирающей планеты осыпалась хлопьями, превращая поле последней битвы Пантеона в безмолвный хрустальный склеп.

Рука Вадима разжалась.

Черные пальцы оторвались от груди мертвого бога с сухим треском разрывающихся криогенных связей. На полированном металле доспеха Лебедева не осталось даже копоты.

Звездный синтез угас. Вселенная вокруг них сделала еще один необратимый шаг к своему финальному, абсолютному покою.

Вадим опустил руку и отступил на полшага назад. Подошвы его тяжелых сапог со скрипом вдавились в слой замерзшего метана. Вокруг царила тишина — такая плотная, первозданная и всепоглощающая, какой не бывает в мирах, где есть жизнь. Это была тишина космического вакуума, тишина пустоты между галактиками, тишина могильника, в котором упокоились сами фундаментальные законы физики.

Перед ним возвышался Сурт.

Некогда величайший бич пантеонов. Существо, от одного взгляда которого плавилась луны и испарялись биосферы цветущих звездных систем. Сейчас он напоминал причудливое изваяние из черного алмаза, внутри которого застыли призрачные узоры замерзших магнитных полей. Его ко-

рона из застывших солнечных вспышек превратилась в зубцы темного, ультра-плотного льда, искрящегося под мертвым светом далеких туманностей. Внутри кристалла больше не было пламени. Там не было даже пустоты. Там царил вечный, безукоризненный холод.

— Красиво, — без эмоций произнес Вадим. Пар от его дыхания не шел — дыхания попросту не было, его организм уже тысячи уровней назад перестал нуждаться в биологических процессах, став монолитной структурой чистого волевого контроля.

Лебедев поднял правую руку. Его бронированная перчатка, поглотившая тепло миллиардов звезд, казалась невесомой. Он согнул средний палец, уперев его в подушечку большого.

— Ты обещал сжечь мироздание дотла, Сурт. Ты кричал, что огонь — это жизнь, а жизнь должна пожирать самое себя в экстазе разрушения. Но посмотри на себя. Даже ты в итоге стал памятником покою.

Легкий, едва заметный щелчок пальцев.

Щелк.

Звук получился сухим, коротким, словно треснула тонкая стеклянная пластинка в лабораторном микроскопе. Но для структуры, находящейся при абсолютном нуле, где тепловые колебания решетки равны нулю, а квантовое напряжение между замерзшими кварками достигло апогея, этот щелчок стал эквивалентом удара кувалды по тончайшему горно-

му хрусталою.

Резонансная волна пробежала от места удара — основания застывшей ключицы демиурга.

Сначала по телу Сурта протянулась паутина тончайших, светящихся призрачным голубым светом трещин. Это вырывался остаточный свет Черенкова — последние фотоны, которые не успели замерзнуть и теперь искали выход через микроскопические сколы кристаллической решетки.

Затем раздался мелодичный, почти музыкальный звон. Казалось, сотни хрустальных колоколов одновременно зазвучали на ветру, падая с бесконечной высоты на гранитные плиты.

Тело Бога Пламени начало осыпаться.

Оно не падало кусками. Сверхплотный вырожденный лед дезинтегрировал на квантовом уровне. Миллиарды, триллионы мельчайших алмазных и кварцевых пылинок отделились от плеч, короны, груди и рук застывшего титана. Они взметнулись в воздух подхваченные космической поземкой, сверкая гранями в свете умирающего сектора.

Сурт таял не от тепла, а от невозможности существовать в мире, где энтропия сделала свой ход. Алмазная пыль, состоящая из чистого замерзшего углерода, дегенерированных ядер железа и кристаллизованного божественного эфира, хлынула вниз сверкающим водопадом.

Голова титана рассыпалась первой, обратившись в серебристую сверкающую вуаль. Следом осыпались плечи, обна-

жая идеально ровный скол, который тут же превращался в искрящуюся взвесь. Руки, когда-то державшие меч Рагнарёка, опали наземь легким шелестящим дождем из драгоценных микрокристаллов.

Через три секунды перед Вадимом не осталось ничего, кроме трехметрового сугроба из сияющей алмазной и кристальной пыли, мягко мерцающей в бездонном полумраке расколотого континента.

Ветер тронул этот холм, поднимая в воздух искрящиеся вихри, унося частицы бывшего владыки огня в темные разломы земной коры, в ледяные пропасти, где текли реки замерзшего азота.

И в эту секунду Вселенная ответила.

Тяжелый, гулкий удар сотряс не пространство, а сам интерфейс мироздания. Перед глазами Вадима, перекрывая горизонт, разорванное небо и мерцающую пыль, вспыхнули рубиново-черные строки Системных Логов. Они вибрировали от колоссального напряжения, словно Системное Ядро с трудом переваривало масштабы произошедшего события.

[СИСТЕМНОЕ ОПОВЕЩЕНИЕ: ЭКСПОНЕНЦИАЛЬНЫЙ КОЛЛАПС МАКРО-СУЩНОСТИ!]

[Кластер «Муспельхейм-Прайм» потерял свой фундаментальный якорь.]

[Мировая Воля фиксирует угасание Истинного Пламени Первой Эпохи.]

[СУРТ-РАЗРУШИТЕЛЬ, БОГ ПЛАМЕНИ, СТОЛП РАГНАРЁКА] — УНИЧТОЖЕН!

[Анализ параметров уничтожения:

— Метод ликвидации: Термодинамический фазовый коллапс (Абсолютный Ноль).

— Время агонии: 4.12 секунды.

— Степень аннигиляции божественной искры: 100.00% (Воскрешение невозможно. Перерождение заблокировано. Астральный след рассеян на кварковом уровне).]

[ВНИМАНИЕ! Рассчитывается индивидуальная награда за ликвидацию Сущности Класса «Абсолютный Демиург»...]

[Опыт: 999,999,999,999,999 ед. (Лимит шкалы Трицветра превышен в 412 раз).]

[Шкала опыта переведена в Планковскую Конденсацию Резерва.]

[Ваш уровень: [ERROR: Данные повреждены. Переход на трансчислимый ранг].]

[СИСТЕМНЫЙ СТАТУС ОБНОВЛЕН!]

[Внимание: Вы устранили фундаментальный противовес Холода. Баланс Вселенской Теплоемкости необратимо смещен в сторону отрицательных значений.]

[Интеграция концептуальной короны...]

[Слияние первородной энтропии с матрицей души пользователя «Вадим Лебедев»...]

[Процесс завершен успешно.]

[ПОЛУЧЕН УНИКАЛЬНЫЙ СТАТУС: «ПОВЕЛИТЕЛЬ КОСМИЧЕСКОЙ ЭНТРОПИИ»!]

[ОПИСАНИЕ СТАТУСА:

«Там, где другие видят гибель, вы видите неизбежную гармонию. Вы — последнее слово, которое произнесет остывающее мироздание перед тем, как погрузиться в вечный сон. Ни одна искра, ни одно солнце, ни одна мысль не смогут противостоять вашему присутствию. Вы — Второе Начало Термодинамики во плоти».]

[АТРИБУТЫ И МОДИФИКАТОРЫ СТАТУСА:

1. «Абсолютная Нулевая Точка» (Пассивная аура): Все тепловые процессы в радиусе действия вашего присутствия (базовый радиус: 1 Световой Год, масштабируется волей) замедляются на 99.9%. Потребление энергии на поддержание жизни и заклинаний враждебных сущностей увеличивается в 10,000 раз.

2. «Право Судебного Исполнителя» (Концептуальное право): Любое бессмертие, основанное на циклическом перерождении через огонь, свет или плазму (Фениксы, Звездные Драконы, Боги Солнца), полностью аннулируется при прямом контакте.

3. «Тепловая Смерть: Окончательный Покой» (Активная манипуляция): Вы способны мгновенно конвертировать любую направленную на вас кинетическую, магическую или божественную энергию в чистую статическую энтропию. Чем

горячее атака врага, тем быстрее он замерзает при попытке нанести вам урон.

4. Влияние на Мироздание: Скорость старения звезд в вашем присутствии возрастает. Вселенная признает вас своим законным Могильщиком.]

[ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ДОБЫЧА:

— Извлечен предмет: [Осколок Сердца Муспелля: Кристаллизованный Абсолют] (Ранг: Реликт Тепловой Смерти).

— Извлечен предмет: [Прах Демиурга: 120,000 граммов Божественного Алмаза] (Материал трансцендентного ковки).

— Навык «Термодинамический Импульс» эволюционировал в: [Приказ Пустоты: Замри].]

[ГЛОБАЛЬНОЕ ОПОВЕЩЕНИЕ:

Событие транслируется во все Великие Чертоги, Эмпиреи и Системные Хабы.

Статус Угрозы пользователя «Вадим Лебедев»: [КОНЕЦ ВСЕЛЕННОЙ (ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ НЕИЗБЕЖНОСТЬ)].]

Золотисто-багровый свет системных окон медленно угас, растворившись во тьме, словно последние угли костра, залитые жидким азотом. Системный интерфейс, обычно строгий и механистический, на мгновение дрогнул рябью помех — даже алгоритмы Великой Системы, созданной для регистрации прогресса игроков и богов, трещали под весом новых

констант, которые принес с собой Вадим.

Вадим стоял посреди ледяной равнины, не шевелясь.

Алмазная пыль под его ногами мягко пульсировала прозрачным внутренним светом, но этот свет был холодным, лишенным инфракрасного спектра. Он опустился на одно колено и зачерпнул горсть мерцающего порошка. Кристаллы текли сквозь черные пальцы его перчатки, словно песок в космических песочных часах, отмеряющих последние мгновения существования этой реальности.

— Семьдесят два тома, — глухо произнес он сам себе, глядя на то, как частицы Сурта оседают на матовую броню. — Семьдесят два круга ада. Миллиарды монстров, сотни богов, тысячи миров, кричавших о своем величии...

Он вспомнил самое начало. Вспомнил тесные, вонючие бетонные коридоры первой локации, ржавый железный меч в дрожащих руках, зеленые экраны базовой системы, предупреждавшие об опасности от простых низших гоблинов. Вспомнил первый ледяной кристалл, созданный им из капли собственной крови, чтобы остановить кровотечение. Тогда это был просто способ выжить. Мелкая хитрость замерзающего человека, цепляющегося за жизнь в жестоком мире бесконечной прогрессии.

Как далеко все это зашло?

Теперь он не цеплялся за жизнь. Сама Жизнь в ее космическом понимании — буйная, горячая, хаотичная, пожирающая ресурсы космоса — испуганно жалась по углам галак-

тик при одном звуке его поступи. Боги, строившие тысячетлетние планы, превращались в пыль от одного щелчка его пальцев.

Вадим разжал кулак. Алмазная пыль сорвалась вниз, сливаясь с общим сугробом.

В его инвентаре тихо пульсировал [Осколок Сердца Муспелля]. Но даже этот артефакт, когда-то бывший источником бесконечной температуры, теперь был холоднее жидкого гелия. Это был камень-парадокс: бесконечная потенциальная энергия, навсегда лишенная кинетического права на реализацию. Черный, не отражающий свет многогранник, способный стать идеальным сердечником для его следующего доспеха или оружия.

Если ему вообще еще нужно было оружие.

Небо над расколотым континентом начало очищаться. Замерзшие тучи из паров серы, метана и воды полностью выпали в виде твердого осадка, обнажив бездонный, первозданный космос. Ни одной атмосферной помехи. Звезды сияли с пронзительной, колющей четкостью.

Но даже их свет казался Вадиму тусклым.

Он поднял взгляд к зениту. Там, в миллионах световых лет от этой планеты, горели великие созвездия Высших Чертогов. Асгард. Олимп. Небесный Нефритовый Престол. Тридцать Три Сферы Демиургов. Они наблюдали за этой битвой. Вадим буквально физически ощущал миллионы божественных взоров, пронзающих пространство и время че-

рез всевидящие артефакты, хрустальные сферы и системные зеркала.

Они видели падение Сурта.

Они видели, как повелитель пламени, чьего пробуждения они боялись миллионы эпох, был уничтожен за считанные минуты простым человеком, надевшим корону абсолютного холода.

Они молчали. Впервые за всю историю Системы в глобальном межпространственном чате не появилось ни единой насмешки, ни единой угрозы, ни одного самодовольного восклицания от высших существ. Там царила тишина. Парализующий, липкий страх существ, которые внезапно осознали, что их бессмертие имеет срок годности.

Вадим усмехнулся — коротко, сухо.

— Вы следующие, — произнес он в пустоту, зная, что акустика космической магии донесет его шепот до каждого позолоченного трона. — Вы строили свои пантеоны на тепле умирающих миров. Вы выжимали квазары, чтобы освещать свои чертоги. Вы думали, что лестница уровней ведет к вечной жизни. Но на вершине этой лестницы нет света. На вершине — только холодная тьма.

Он выпрямился во весь рост. Черный плащ, сотканный из застывших гравитационных волн, тяжело колыхнулся за его спиной, взметнув мерцающую алмазную пыль Сурта.

Под ногами Вадима континент больше не стонал. Магма в глубинных разломах планеты остыла на сотни километров

вглубь, превратившись в безжизненный базальт. Ядро планеты прекратило вращение — динамо-машина мира остановилась, магнитное поле лопнуло, словно мыльный пузырь, оставив замерзшую твердь беззащитной перед космической радиацией. Но даже космические лучи затухали, едва коснувшись зоны его ауры.

«Повелитель Космической Энтропии».

Новый статус пульсировал в глубине его духовного ядра, перестраивая энергетические каналы. Там, где раньше струилась мана, теперь текла странная, плотная субстанция — не имеющая цвета, не имеющая массы, но несущая в себе абсолютную плотность финальной точки вселенной. Ему больше не нужно было накапливать силу. Сила сама стремилась к нему, чтобы затихнуть, уравновеситься, прекратить свое бесполезное метание между созиданием и распадом.

Вадим сделал шаг вперед. Лед под его ногами зазвенел, признавая хозяина.

— Система, — мысленно обратился он к пульсирующей в сознании интерфейсной матрице.

[Слушаю, Повелитель Энтропии,] — откликнулся системный голос. На этот раз в нем не было привычной синтетической холодности. В вибрациях системного разума отчетливо слышался трепет подчиненного перед высшей инстанцией.

— Проложи маршрут к следующему узлу. Где прячутся те, кто зажег Первое Солнце?

Перед его глазами мгновенно развернулась простран-

ственная карта Великого Древа Реальностей. Огромная, ветвящаяся структура из миллиардов световых лет, галактических скоплений и параллельных измерений. Раньше она сияла теплым, золотистым светом жизни. Теперь нижние ветви Древа — весь пройденный им путь — были окрашены в мертвенно-синий, кристальный цвет абсолютного покоя.

А на самом верху, в кроне, еще горело последнее скопление истинного божественного жара. Исток.

[Координаты рассчитаны,] — доложила Система. — [Точка перехода: Звездные Врата Кельвина. Дистанция: 40,000 парсек. Требуется пространственный прорыв ранга «Сингулярность».]

— Прорыв не требуется, — спокойно ответил Вадим. — Пространство само сожмется. Когда температура падает до нуля, расстояние теряет смысл.

Он в последний раз посмотрел на мерцающую кучу алмазного праха, бывшего когда-то Суртом-Разрушителем. Ветер уже почти развеял ее по замерзшему базальтовому плато. Имя бога пламени было стерто из списков живых, а его сила стала лишь еще одним кирпичом в фундаменте великого ледяного склепа.

Вадим поднял руку, коснулся пустоты перед собой и слегка повернул кисть, словно поворачивал ключ в невидимом замке.

Пространство перед ним послушно треснуло, но не огненным разломом портала, а идеально ровной, темной криоген-

ной трещиной, за которой клубилась абсолютная тьма межгалактической пустоты. Оттуда пахнуло вечностью — спокойной, безмятежной, совершенной.

— Пора заканчивать эту игру, — произнес Вадим Лебедев, делая шаг в разлом. — Вселенная слишком долго горела в лихорадке. Пришло время поспать.

Черная фигура шагнула в морозную пустоту. Разлом с мягким хрустальным щелчком захлопнулся за его спиной, не оставив после себя ни следа, ни тепла.

На расколотом мертвом континенте осталась лишь бесконечная ледяная пустыня, над которой в абсолютной тишине кружились редкие алмазные снежинки — все, что осталось от бога, дерзнувшего бросить вызов неизбежности.

Глава 6. Раскаяние королевств

Девятьсот секунд.

Ровно пятнадцать земных минут потребовалось смертному из нижних миров, чтобы низвести древнейшую термодинамическую константу их пантеона — Предвечного Сурта, владыку Первородного Горна, чье пламя питало континенты на протяжении трехсот тысяч оборотов, — до состояния инертного кристаллического шлака.

В Паноптикуме Высшего Синклита, парившем на высоте двадцати тысяч локтей над пылающими геотермальными разломами, стояла тишина столь плотная, что архимаги отчетливо слышали, как с тихим, жалобным звоном трескаются зачарованные сапфиры в их церемониальных коронах. Это не была тишина благоговения. Это была акустическая агония вида, внезапно осознавшего собственную абсолютную, математическую ничтожность перед лицом высшей энтропии.

В центре зала мерцала Великая Проекционная Сфера — колоссальный артефакт двенадцатого круга, питаемый кровью трех тысяч девственных элементарей и резонирующий с силовыми линиями всего материка. Еще полчаса назад в ее полупрозрачной глубине бушевал океан первородной магии. Архимаги пяти империй, затаив дыхание, наблюдали за тем, как Сурт разворачивает свои звездные крылья, готовый

стереть в порошок дерзкого чужака, посмеявшего объявить войну законам божественной термодинамики. Они вливали в аватар своего бога триллионы эргов чистой маны, жгли накопители, опустошали сокровищницы, рассчитывая увидеть триумф священного пламени.

А увидели казнь. Безжалостную, лишенную эмоций, методичную вивисекцию.

[Боевой журнал Системы: Субъект «Сурт-Разрушитель, Первородный Радиационный Титан»]

[Начальный запас энергии: 4.88×10^{27} Джоулей]

[Текущий статус: Аннигилирован / Термодинамический нуль]

[Причина деактивации: Послойное выкачивание кинетической энергии на квантовом уровне. Схлопывание сильного ядерного взаимодействия. Локальный фазовый переход «Бытие — Абсолютный Покой».]

[Время полного цикла ликвидации: 14 минут 58.42 секунды.]

Верховный архимаг Элдор из Магиократии Сильвергарда — эльф, проживший пять эпох и носивший титул Владыки Девяти Сфер, — стоял, вцепившись скрюченными пальцами в парапет из белого орихалка. Его длинная борода, веками умащенная драгоценными маслами, мелко тряслась. Из ноздрей капала кровь: его ментальное тело, напрямую подключенное к потокам божественной эманации Сурта, ис-

пытало чудовищный гидродинамический удар, когда колоссальный океан пламени внезапно обратился в ледяную сингулярность.

— Это... невозможно, — шептал он пересохшими, побелевшими губами. — У Сурта было бессмертие концептуального уровня. Закон сохранения энергии! Энергия не может исчезнуть, она может лишь перейти из одной формы в другую! Если пламя погасло, куда ушло тепло?! Куда делись септиллионы гигакалорий?!

— Оно никуда не перешло, старый дурак, — раздался хриплый, сдавленный голос Императора Валериуса, владыки Солнечного Престола.

Валериус, закованный в доспех из закаленного мифрила и солнечной меди, стоял на коленях еще до того, как чужак приблизился. Его меч — легендарный «Рассветный Рассекатель», способный одним взмахом разрубать горные хребты, — валялся на мозаичном полу, словно брошенная крестьянская кочерга.

— Оно просто перестало существовать, — произнес император, и в его глазах плескался первобытный ужас загнанного зверя. — Он не рассеял тепло. Он стер самую способность атомов двигаться. Он вырвал закон из книги мироздания.

Рядом с ними тяжело, прерывисто дышал Верховный Патриарх Священной Теократии Малахий. Его белоснежная султана была разорвана на груди, обнажая багровые ожоги от

лопнувших священных стигматов. Золотой крест Солнечно-го Древа, который он носил на шее, остыл настолько, что металл примерз к коже, оставляя черные, обугленные морозом язвы. Патриарх непрерывно шептал молитвы, но слова застредали в гортани. Кому молиться, если тот, кто восседал на золотом троне небес, теперь представлял собой кучку алмазной пыли, кружащейся над базальтовой пустошью?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.